

Русский
язык

На

МАКСИМ
КРОНГАУЗ

Новое
дополненное
издание

Corpus

Грамматика
и
лексика

Максим Анисимович Кронгауз

Русский язык на границе нервного срыва

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811329

Русский язык на границе нервного срыва: Астрель: CORPUS; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100624-2

Аннотация

Мир вокруг нас стремительно меняется, и язык меняется вместе с ним. Кто из нас не использует новые слова и кто в то же время не морщится, замечая их в речи собеседника? Заимствования, жаргонизмы, брань – без чего уже не обойтись – бесят нас и, главное, дают повод для постоянного брюзжания. Кто не любит порассуждать о порче языка, а после сытного обеда даже и о гибели? Профессор К., претерпев простительное в наше время раздвоение личности и попеременно занимая позицию то раздраженного обывателя, то хладнокровного лингвиста, энергично вступает в разговор. Читать его следует спокойно, сдерживая эмоции. Прочтя, решительно отбросить книгу и ответить на главный вопрос. Кто же – русский язык или мы сами – находится на границе нервного срыва?

Содержание

Предисловие к новому изданию	5
Предисловие к третьему изданию	8
Заметки просвещенного обывателя	10
Надоело быть лингвистом	10
Мы тоже эскимосы	13
Случаи из жизни	16
Я, в принципе, не против...	22
Проклятые вопросы	24
Ключевые слова эпохи	26
Курс молодого словца	28
Разговор по понятиям	35
Сделайте мне элитно!	42
Самое правильное слово	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максим Кронгауз

Русский язык на границе нервного срыва

М. Кронгауз, 2007, 2011

© ООО “Издательство Аст”, 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие к новому изданию

В 2007 году вышла моя книга “Русский язык на грани нервного срыва”. В 2012 году, увеличившись почти вдвое, она вышла под названием “Русский язык на грани нервного срыва. 3D”. Под обоими названиями она пережила несколько переизданий (стереотипных или исправленных). За это время она сильно отдалилась от меня и стала довольно самостоятельной. И вот в 2016-м решила поменять обложку. Пытаясь сохранить хоть какое-то влияние на книгу, я решил добавить один новый текст, написанный в 2015 году. Он был опубликован в журнале “Вопросы литературы”, а потом должен был войти в книгу “Слово за слово: о языке и не только”, но тут с ним, а заодно и со мной приключилась странная история. В предисловии к “Слову” я рассказал о своем первом столкновении с цензурой в советское время и сделал это в духе анекдота, то есть смешной байки о прошлом, которая никакого отношения к сегодняшнему дню не имеет и иметь не может. И, естественно, был наказан.

Незадолго перед отправкой рукописи в типографию мне пришло письмо из издательства, в котором сообщалось, что “по соображениям корпоративной этики редакция вынуждена изъять из рукописи главы ‘На фоне Путина’ и ‘Краткий курс новояза’, так как не считает возможным издавать под брендом РАНХиГС при Президенте РФ эти фрагменты”. На

мое удивление и недовольство я получил ответ главного редактора издательского дома “Дело” В. Анашвили: “Это не ‘главы’ книги, а разрозненные статьи. Причем не имеющие уникального статуса, а опубликованные ранее. Без них сборник, на мой взгляд, нисколько не потеряет”.

Очевидно, что так можно было сказать о любой главе, но на одной чаше весов было два текста, а на другой около пятидесяти, и я решил не отказываться от издания готовой книги.

Один из двух “изъятых” текстов, связанный с русским языком, я и хочу предложить вниманию читателей нового издания “Русского языка на грани нервного срыва”. Он, правда, великоват для книги и поэтому помещен в самый ее конец. “Краткий курс новояза” рассказывает об истории понятия “новояз” и о том, что происходит с русским языком в 2010-е годы. Он несколько менее оптимистичен, чем вся книга, но ведь и написан в другое время.

Есть еще одно важное изменение. В предыдущем издании к книге был приложен диск с моими видеолекциями. Сейчас в нем нет никакого смысла: лекции легко найти в интернете. А поскольку диск был одной из причин добавления к названию сокращения “3D”, то вместе с диском исчезло и оно. И книга вернулась к первоначальному названию “Русский язык на грани нервного срыва”. При этом, отдавая дань традиции, я полностью сохранил старое предисловие.

В заключение я хотел сказать спасибо своей книге за то, что она прожила столько лет и продолжает возрождаться под

разными обложками, но понял, что лучше все-таки поблагодарить читателей, которые продолжают держать ее в руках, листать страницы, смотреть на слова. И тут же вспомнил “Просьбу” Марка Фрейдкина, с чьей последней строфой согласится любой автор:

Чтобы в небесах распускались птички,
чтобы щебетали в садах цветочки,
чтобы чуть живые мои странички
кто-то пролистал до последней точки.

Предисловие к третьему изданию

В конце 2007 года вышла моя книга “Русский язык на грани нервного срыва”. Она выдержала два издания, второе было стереотипным. И когда пришло время для третьего, оказалось, что оно будет, как принято писать, “исправленным и дополненным”, причем дополнений так много, что фактически можно говорить о новой книге.

И тут я вспомнил, что самый частый вопрос, который мне задавали в связи с “Русским языком на грани нервного срыва”, был таков: “Почему вы так называли свою книгу?”

Отчасти я написал об этом в послесловии (см. Послесловие), но про то, что это перифраза названия фильма Педро Альмодовара “Женщины на грани нервного срыва”, сказал как-то невнятно и где-то в середине книги (считая, что это и так всем известно), в общем, четкого и полного ответа не дал. А раз так, пришлось снова и снова отвечать на этот вопрос. И теперь я точно знаю, что прежде, чем начать что-то писать, надо понятно объяснить, почему оно так называется.

Книга называется “Русский язык на грани нервного срыва. 3D”, потому что, с одной стороны, она полностью включает в себя книгу “Русский язык на грани нервного срыва” (с исправлениями) и ее можно рассматривать как 3-е Дополненное издание. С другой стороны, у этой книги есть свои три D, которые придают ей новое измерение и новый объ-

ем. Это упомянутая выше Дополненность, в том числе новыми главами, в результате чего книга стала примерно в два раза толще. Это Два взгляда на язык, плохо совместимых, но тем не менее постоянно присутствующих в тексте. Наконец, это Диск с видеозаписью моих публичных лекций. Здесь уместно поблагодарить сайты polit.ru, snob.ru и nkj.ru, на которых эти лекции были выложены, за предоставленные записи и разрешение использовать их.

А раз уж речь зашла о благодарности, то я хочу поблагодарить Машу Бурас. Во-первых, потому что без нее этой книги не было бы. Во-вторых, потому что глава “Любить по-русски” была написана нами совместно как статья.

Однако вернусь к названию. В нем используются три очень популярных приема, над которыми я в меру сил и интеллекта издеваюсь в тексте, но удержаться и сам не могу. Зараза, к сожалению, заразна (“что лечу, тем болею”, говорит мой знакомый доктор). Первый – это искажение известного выражения (в данном случае – названия фильма). Второй – использование латинских букв в русском тексте. Третий – девальвация смысла, потому что, задумавшись, что, в сущности, добавляет “3D” к названию любого фильма? Объем? Новые ощущения? Новое видение мира? Надежду на то, что для просмотра (прочтения) выдадут очки? Или...

Ну, в общем, – очков не будет. И давайте перейдем к делу.

Заметки просвещенного обывателя

*...Ошибки одного поколения становятся
признанным стилем и грамматикой для следующих.
Исаак Башевис Зингер*

*Слаб современный язык для выражения всей
грациозности ваших мыслей.
Александр Николаевич Островский*

Надоело быть лингвистом

Я никак не мог понять, почему эта книга дается мне с таким трудом. Казалось бы, более десяти лет я регулярно пишу о современном состоянии русского языка, выступая, как бы это помягче сказать, с позиции просвещенного лингвиста¹.

В этот же раз откровенно ничего не получалось, пока, наконец, я не понял, что просто не хочу писать, потому что не хочу снова вставать в позицию просвещенного лингвиста и

¹ Если коротко, эта позиция заключается в том, что для русского языка не страшны ни поток заимствований и жаргонизмов, ни вообще те большие и, главное, быстрые изменения, которые в нем происходят. Русский язык “переварит” все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности языка, не сдерживаемые строгими нормами.

объяснять, что русскому языку особые беды не грозят. Не потому, что эта позиция неправильная. Она правильная, но она не учитывает меня же самого как конкретного человека, для которого русский язык родной. А у этого конкретного человека имеются свои вкусы и свои предпочтения, а также, безусловно, свои болевые точки. Отношение к родному языку не может быть только профессиональным просто потому, что язык – это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично, в том числе и меня².

Чтобы наглядно объяснить разницу между позициями лингвиста и обычного носителя языка, достаточно привести один пример. Как лингвист я с большим интересом отношусь к русскому мату, считаю его интересным культурным явлением, которое нужно изучать и описывать. Кроме того, я уверен, что искоренить русский мат невозможно ни мягкими просветительскими мерами (то есть внедрением культуры в массы), ни жесткими законодательными. А вот как человек я почему-то очень не люблю, когда рядом ругаются матом. Я готов даже признать, что реакция эта, возможно, не самая типичная, но уж как есть. Таким образом, как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному яв-

² Точнее всего об этом сказал Николай Глазков: Я на мир взираю из-под столика: Век двадцатый, век необычайный. Чем он интересней для историка, Тем для современника печальней. Если развить его мысль, то хватит уже быть историком, пора залезать под стол.

лению, а вот как обыватель, чего уж там, мат не люблю и, грубо говоря, не уважаю. Вот такая получается диалектика.

Следует сразу сказать, что, называя себя обывателем, я не имею в виду ничего дурного. Я называю себя так просто потому, что защищаю свои личные взгляды, вкусы, привычки и интересы. При этом у меня, безусловно, есть два положительных свойства, которыми, к сожалению, не всякий обыватель обладает. Во-первых, я не агрессивен (я – не воинствующий обыватель), что в данном конкретном случае означает следующее: я не стремлюсь запретить все, что мне не нравится, я просто хочу иметь возможность выражать свое отношение, в том числе и отрицательное, не имея в виду никаких дальнейших репрессий или даже просто законов. Во-вторых, я – образованный обыватель, или, если еще снизить пафос, грамотный, то есть владею литературным языком, его нормами и уважаю их. А если, наоборот, пафосу добавить, то получится, что я своего рода просвещенный обыватель.

Вообще, как любой обыватель я больше всего ценю спокойствие и постоянство. А резких и быстрых изменений, наоборот, боюсь и не люблю. Но так уж выпало мне – жить в эпоху больших изменений. Прежде всего, конечно, меняется окружающий мир, но брзжать по этому поводу как-то неприлично (тем более что есть и приятные изменения), а кроме того, все-таки темой книги является язык. Может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется все: общество, психология, техника, политика?

Мы тоже эскимосы

Как-то роюсь в интернете, на сайте *lenta.ru* я нашел статью об эскимосах, часть которой я процитирую³:

Глобальное потепление сделало жизнь эскимосов такой богатой, что у них не хватает слов в языке, чтобы давать названия животным, переселяющимся в полярные области земного шара. В местном языке просто нет аналогов для обозначения разновидностей, которые характерны для более южных климатических поясов.

Однако вместе с потеплением флора и фауна таежной зоны смещается к северу, тайга начинает теснить тундру, и эскимосам приходится теперь ломать голову, как называть лосей, малиновок, шмелей, лосося, домовых сычей и прочую живность, осваивающую заполярные области.

Как заявила в интервью агентству Reuters председатель Эскимосской Полярной конференции Шейла Уотт-Клутье, чья организация представляет интересы около 155 тысяч человек, “эскимосы даже не могут сейчас объяснить, что они видят в природе”. Местные охотники часто встречаются незнакомых животных, но затрудняются рассказать, так как не

³ Некоторые странности статьи, посвященной эскимосам, но почему-то вдруг рассказывающей о саами, оставим на совести авторов. Да и в 1200 слов для северного оленя верится с трудом. Но в данном случае точность не так уж важна.

знают их названия.

В арктической части Европы вместе с распространением березовых лесов появились олени, лоси и даже домовые сычи. “Я знаю приблизительно 1 200 слов для обозначения северного оленя, которых мы различаем по возрасту, полу, окрасу, форме и размеру рогов, – цитирует Reuters скотовода саами из северной Норвегии. – Однако лося у нас называют одним словом “елг”, но я всегда думал, что это мифическое существо”⁴.

Эта заметка, в общем-то, не нуждается ни в каком комментарии, настолько все очевидно. Все мы немного эскимосы, а может быть, даже и много. Мир вокруг нас (не важно, эскимосов или русских) меняется. Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире, просто потому что у нас не хватит слов. И не так уж важно, идет ли речь о домовых сычах, новых технологиях или новых политических и экономических реалиях.

Итак, объективно все правильно, язык должен меняться, и он меняется. Более того, запаздывание изменений приносит обывателям значительное неудобство, так, “эскимосы даже

⁴ Про мифическое существо сказано настолько хорошо, что хочется поискать аналогии и в нашей жизни. И они находятся в самых разных ее областях. Ну ведь правда, еще в 1984 году казалось, что слова *путч*, *цунами* или, прошу прощения, *стриптиз* к нашей действительности отношения не имеют, а и они, и многие другие так или иначе вошли в нее.

не могут сейчас объяснить, что они видят в природе”. Но и очень быстрые изменения могут мешать и раздражать. Что же конкретно мешает мне и раздражает меня?

Случаи из жизни

Легче всего начать с реальных случаев, а потом уж, если получится, обобщить их и поднять на принципиальную высоту. Конечно, все эти ситуации вызывают у меня разные чувства – раздражение, смущение, недоумение. Я хочу привести примеры, вызвавшие у меня разной степени языковой шок, и потому запомнившиеся.

Случай первый

На одном из семинаров мы беседуем со студентами, и один вполне воспитанный юноша в ответ на какой-то вопрос произносит: “Ну, это же, как ее, блин, интродукция”. Он, конечно, не имеет при этом в виду обидеть окружающих и вообще не имеет в виду ничего дурного, но я вздрагиваю. Просто я не люблю слово *блин*. Естественно, только в его новом употреблении как междометия, когда оно используется в качестве замены сходного по звучанию матерного слова. Точно так же я вздрогнул, когда его произнес актер Евгений Миронов при вручении ему какой-то премии (кажется, за роль князя Мышкина). Объяснить свою неприязненную реакцию я, вообще говоря, не могу. Могу только сказать, что считаю это слово вульгарным (замечу, более вульгарным, чем соответствующее матерное слово), хотя подтвердить свое мнение мне нечем, в словарях его нет, грамматики его никак не ком-

ментируют. Но когда это слово публично произносят воспитанные и интеллигентные люди, от неожиданности я все еще вздрагиваю.

Случай второй

Тут я не одинок, тут я вместе со своей страной периодически вздрагиваю от слов наших политиков.

Вообще-то мы не очень запоминаем то, что говорят политики, наши президенты в частности. Если порыться в памяти, то в ней хранятся сплошные анекдоты. От Горбачева, например, остались глагол *начать* с ударением на первом слоге, слово *консенсус*, исчезнувшее вскоре после завершения его президентства, и странное выражение *процесс пошел*. От Ельцина остались *загогулина* и *не так сели*, связанные с конкретными ситуациями, да словцо *понимаешь*. А главной фразой Путина, по-видимому, навсегда останется – *мочить в сортире*. Рекомендация сделать обрезание, данная на пресс-конференции западному журналисту, все-таки оказалась менее выразительной, хотя тоже запомнилась. Как и в случае с Ельциным, запомнились фразы в каком-то смысле неадекватные, не соответствующие даже не самой ситуации, а статусу участников коммуникации, прежде всего статусу самого президента. Если говорить проще, президент страны не должен произносить таких фраз. В отличие от “бушизмов”, которые так любят американцы, то есть нелепостей, произнесенных Бушем, Путин произносит более чем осмыс-

ленные фразы и даже соответствующий стиль выбирает, по-видимому, вполне сознательно. Впрочем, примеры с Путиным, конечно же, не уникальны. Они в значительной степени напоминают хрущевскую *Кузькину мать* – не только саму фразу, но и всю ситуацию, естественно.

Случай третий

После долгого отсутствия в России я бреду с дочерью по Даниловскому рынку в поисках мяса и натываюсь на броскую вывеску-плакат, этакую растяжку над прилавком: “Эксклюзивная баранина”.

– Совсем с ума посходили, – громко и непедagogично говорю я.

– А что тебе, собственно, не нравится, папа? – удивляется моя взрослая дочь.

– Да нет, нет, – успокаиваю я то ли ее, то ли себя. – Так, померещилось.

Естественно, что, позднее увидев в объявлении о продаже машины фразу: “Машина находится в эксклюзивном виде”, я уже не выказал никаких особенных эмоций. Сказался полученный языковой опыт.

Похожую эволюцию прошло и слово *элитный*. От *элитных сортов пшеницы* и *элитных щенков* мы пришли к следующему объявлению (из электронной рассылки): “Элитные семинары по умеренным ценам”.

Если говорить совсем просто, то мне не нравится, что

некоторые вполне известные мне слова так быстро меняют значения.

Случай четвертый

Не люблю, когда я не понимаю отдельных слов в тексте или в чьей-то речи. Даже если я понимаю, что это слово из английского языка, и могу вспомнить, что оно там значит, меня это раздражает. Позавчера я споткнулся на *стриптейсерах*, вчера – на *трендсеттерах*, сегодня – на *даунишфтерах*, и я точно знаю, что завтра будет только хуже.

К заимствованиям быстро привыкаешь, и уже сейчас трудно представить себе русский язык без слова *компьютер* или даже без слова *пиар* (хотя многие его и недолюбливают). Я, например, давно привык к слову *менеджер*, но вот никак не могу разобраться во всех этих *сейлзменеджерах*, *акаунт-менеджерах* и им подобных. Я понимаю, что без “специалиста по недвижимости” или “специалиста по порождению идей” не обойтись, но ужасно раздражает, что одновременно существуют *риэлтор*, *риелтор*, *риэлтер* и *риелтер*, а также *криэйтор*, *криейтор* и *креатор*. А лингвисты при этом либо просто не успевают советовать, либо дают взаимоисключающие рекомендации.

Когда-то я с легкой иронией относился к эмигрантам, приезжающим в Россию и не понимающим некоторых важных слов, того же *пиара*, скажем. И вот теперь я сам, даже никуда не уезжая, обнаружил, что некоторые слова я не то

чтобы совсем не понимаю, но понимаю их только потому, что знаю иностранные языки, прежде всего английский.

Мне, например, стало трудно читать спортивные газеты (почему-то спортивные журналисты особенно не любят переводить с английского на русский, а предпочитают сразу заимствовать). В репортажах о боксе появились загадочные *панчеры* и *крузеры*, в репортажах о футболе – *дерби*, *легионеры*, *монегаски* и *манкунианцы*⁵. Да что говорить, я перестал понимать, о каких видах спорта идет речь. Я не знал, что такое *кёрлинг*, *кайтинг* или *банджи-джампинг* (теперь знаю). Окончательно добил меня хоккейный репортаж, в котором было сказано о канадском хоккеисте, забившем гол и сделавшем две *ассистенции*. Поняв, что речь идет о голевых пасах (или передачах), я, во-первых, поразился возможностям языка, а во-вторых, разозлился на журналиста, которому то ли лень было перевести слово, то ли, как говорится, “западлю”. Потом я, правда, сообразил, что был не вполне прав не только по отношению к эмигрантам, но и к спортивному журналисту. Ведь глагол *ассистировать* (в значении “делать голевой пас”), да и слово *ассистент* в соответствующем значении уже стали частью русской спортивной терминологии. Так чем хуже *ассистенция*? Но правды ради должен сказать, что более я этого слова не встречал.

⁵ Последние столь загадочны, что хочется сразу объяснить, кто это. Однако, чтобы сохранить интригу, делать этого не буду. Всему свое время.

Случай пятый

Во время сессии ко мне пришли две студентки, не получившие зачет, и сказали: “Мы же реально готовились”. Тогда не поставлю, – ответил я, поддавшись эмоциям. Я люблю своих студентов, но некоторые их слова меня реально раздражают. Вот краткий список: *блин* (см. выше), *в шоке*, *вау*, *по жизни*, ну и само *реально*, естественно. Дорогие студенты, будьте внимательны, не употребляйте их в сессию.

Я, в принципе, не против...

Пожалуй, этих примеров более чем достаточно (на самом деле таких ситуаций было намного больше). Думаю, что почти у каждого, кто обращает внимание на язык, найдутся претензии к сегодняшнему его состоянию, может быть, похожие, может быть, какие-то другие (вкусы ведь у нас у всех разные, в том числе и языковые).

Итак, как же все-таки сформулировать эту самую мою обывательскую позицию и суть моих претензий?

Я, в принципе, не против сленга (и других жаргонов). Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком. Ну я-то это понимаю, потому что раньше, когда я еще только овладевал языком, сленг и литературный язык “жили” в разных местах. А вот, как говорится, “нонешнее” поколение, то есть люди до тридцати, не всегда могут их различить и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы.

Я, в принципе, не против брани. То есть если мне сейчас дать в руки волшебную палочку и сказать, что одним взмахом я могу ликвидировать брань в русском языке или, по крайней мере, русский мат, я этого не сделаю. Просто испугаюсь. Ведь ни один язык не обходится без так называемой общенной лексики: значит, это кому-то нужно. Другое дело,

что чем грубее и оскорбительнее брань, тем жестче ограничения на ее употребление. То, что можно (скорее, нужно) в армии, нельзя при детях, что можно в мужской компании, нельзя при дамах, ну и так далее. Поэтому, например, мат с экрана телевизора свидетельствует не о свободе, а о недостатке культуры или просто о невоспитанности.

Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в этих словах ставить ударение и как их правильно писать.

Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне не нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость.

Кроме сказанного, у меня есть одно важное желание и одно, так сказать, нежелание.

Главное мое желание состоит в том, что я хочу понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них используются, и понимать значения этих слов. Грубо говоря, я не хочу проснуться как-то утром и узнать, что, ну, для примера, слово *стул* модно теперь употреблять совсем в другом смысле. Увы, но пока при чтении сегодняшних текстов я часто использую стратегию неполного понимания, то есть стараюсь уловить главное, заранее смиряясь с тем, что что-то останется непонятным. Что же касается “нежелания”, то о нем чуть дальше.

Проклятые вопросы

Ну вот, высказался, и вроде полегче стало. Другое дело, что читатель, дочитав до этого места, может спросить, кто во всем этом безобразии виноват и что именно я предлагаю. Здесь, если быть последовательным, можно ответить, что как обыватель я ведь ничего конструктивного предлагать и не должен. Не мое это дело.

Но можно поступить иначе и выпустить на свободу временно подавленного во мне лингвиста. И пусть поговорит о сегодняшнем русском языке. И лучше не в жанре “давайте говорить правильно” (как чаще всего бывает на радио и телевидении) или, по крайней мере, не только в нем, а, скорее, в жанре наблюдений над тем, как мы говорим на самом деле, что, как ни удивительно, интересно очень и очень многим.

В России, в любой ситуации сразу задавая главные вопросы “Кто виноват?” и “Что делать?”, часто забывают поинтересоваться: “А что, собственно, случилось?” А случилась гигантская перестройка (слово горбачевской эпохи сюда, безусловно, подходит) языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. Выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде. Но, как сказал, Исаак Башевис Зингер, “ошибки

одного поколения становятся признанным стилем и грамматикой для следующих”. И дай-то бог, чтобы из наших ошибок вышла какая-нибудь грамматика. И мне, раздраженному обывателю, надо будет с этим смириться, а может, даже этим и гордиться.

В любом случае у живших в эпоху больших перемен есть одно очевидное преимущество. Им есть что вспомнить.

Ключевые слова эпохи

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существовавшее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать обновленные словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь.

Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее – самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить, по крайней мере, несколько таких больших волн, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше.

После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия

языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще перенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения.

Курс молодого словца

Самое заметное из изменений, происходящих в языке, – это появление новых слов и – чуть менее яркое – появление новых значений. Новое слово попробуй не заметить! Об него, как я уже говорил, сразу спотыкается взгляд, оно просто мешает понимать текст и требует объяснений, и вместе с тем в новых словах часто скрыта какая-то особая привлекательность, обаяние чего-то тайного, чужого. А вот откуда в языке появляются новые слова и новые значения?

Принято считать, что русский язык, если ему не хватает какого-то важного слова, просто одалживает его у другого языка, прежде всего у английского. Ну, например, в области компьютеров и интернета, казалось бы, только так и происходит. Слова *компьютер*, *монитор*, *принтер*, *процессор*, *сайт*, *блог* и многие другие заимствованы из английского. Однако это – заблуждение, точнее говоря, дело обстоит не совсем так. Это можно показать на примере своего рода IT-зверинца⁶. Названия трех животных – *мышь*, *собачка* (а теперь и *собака*) и *хомяк* – приобрели новые, “компьютерные” значения, причем совершенно разными путями.

Ну, с *мышью* все понятно, это значение всем хорошо известно и уже зафиксировано в словарях (“специальное устройство, позволяющее управлять курсором и вводить

⁶ Или, говоря по-русски, информационно-технологического зверинца.

разного рода команды”). В русском языке это так называемая калька с английского: то есть новое значение появилось у соответствующего названия животного именно в английском языке, а русский просто добавил его к значениям слова *мышь*. Компьютерная мышь вначале была действительно похожа на обычную, и по форме, и по хвостик-проводу, и по тому, как бегала по коврику. Сейчас компьютерные мыши довольно сильно удалились от прототипа, но значение уже прочно закрепилось в языке.

А вот *собачку* в качестве названия для @, значка электронной почты, придумал сам русский язык (точнее, неизвестный автор или, как в таких случаях говорят, народ). Опять же подобрал нечто похожее, изобрел новую метафору, хотя, надо сказать, сходство с собачкой весьма сомнительно. Я сначала не мог ответить на вопрос, который часто задают иностранцы, – почему именно собака, а потом придумал будку с собакой на длинной цепи, и это почему-то помогает, создает некий образ. Иностранцы поначалу недоумевают, но потом обреченно принимают странную русскую метафору. Вообще, многие языки называют этот значок именем животного: итальянский видит здесь улитку, немецкий – обезьянку, финский – кошку, китайский – мышку, в других языках мелькают хоботы и свинячьи хвосты. А собачку заметили только мы, такой вот особый русский взгляд.

Совершенно другим, но тоже особым путем пошли французы (правда, вместе с испанцами и португальцами), кото-

рые удивительным образом демонстрируют возможности сегодняшнего государственного регулирования языка. Приведу фрагмент информационной заметки в интернете по этому поводу:

Генеральный комитет Франции по терминологии официально одобрил несколько неологизмов, связанных с интернетом, и официально включил их в состав французского языка, сообщает Компьюлента. Новые слова введены вместо англоязычных заимствований и призваны сохранить чистоту французского языка. Теперь использование новых слов на французских сайтах и в прессе является предпочтительным по отношению к английским терминам или их переводам.

Наиболее интересным является новое французское название для символа “@” – обязательного элемента любого адреса электронной почты. По-английски этот символ обычно читается как “at”, а по-русски его называют “собакой”. Французы же отныне обязаны читать этот символ как *arobase*. Это название происходит от старинной испанской и португальской меры *arrobe*, которая в свое время обозначалась именно обведенной в круг буквой “a”. Ее название, в свою очередь, происходит от арабского “ар-руб”, что означает “четверть”⁷.

И далее:

⁷ В этой заметке допущена ошибка. Испанская и португальская мера веса и объема на самом деле пишется иначе: *arroba*.

Интересно, что пять лет назад Генеральному комитету по терминологии не удалось добиться замены англоязычного термина e-mail на французское слово *mél*.

Как показывает последнее замечание, у государственного регулирования (даже французского) есть определенные границы, но и то, что произошло с символом электронной почты, впечатляет. Представить себе, что, скажем, наша Академия наук постановила называть этот значок так-то и так-то, а русский народ это покорно выполнил, довольно трудно.

Наконец, третье слово – *хомяк* – предлагает третий способ появления значения, правда, не в литературном языке, а, скорее, в интернет-жаргоне. В этом случае происходит как бы заимствование иноязычного выражения (*home page*), а его звуковой облик, отчасти искажаясь, сближается с уже существующим русским словом. То есть берется самое похожее по звучанию русское слово, и ему присваивается новое значение. Это не вполне заимствование, хотя влияние английского языка очевидно. Важно, что никакой связи со значением слова *хомяк* не существует, а есть только связь по звучанию. Фактически речь идет об особой языковой игре, похожей на каламбур. Эта игра оказалась чрезвычайно увлекательной, и в результате постоянно возникают все новые и новые жаргонизмы. Самые известные среди них связаны с электронной почтой: *мыло* (собственно электронная почта,

или соответствующий адрес) и *емелить* (от личного имени Емеля; посылать электронную почту). Появление этих слов вызвано исключительно фонетическим сходством с английским *e-mail*. Довольно часто происходит, как и в случае с Емелей, сближение с личными именами: *аська* (англ. *ICQ*) или *клава* (от *клавиатура*).

Такая игра случается и за пределами компьютерной области. В речи продавцов одежды, а затем и покупателей, какое-то время назад стали встречаться слова *элечка* (вариант – *элочка*) и *эмочка*, на звуковом уровне совпадающие с ласкательными именами собственными. Это разговорные обозначения размеров одежды *L* и *M*. По-видимому, существует, хотя и встречается значительно реже, слово *эсочка* (для *S*). С большой вероятностью именно совпадение с существующими именами собственными способствовало появлению таких уменьшительных вариантов слов. Сравнительно недавно появилось, хотя и не стало очень употребительным, слово *юрики*, обозначающее новую европейскую валюту – *евро* – и восходящее к английскому произношению.

Распространена эта фонетическая игра и среди любителей машин. Так образуются разговорные названия как автомобильных марок, так и отдельных моделей. Мерседес уже давно называют *мерином*, здесь, правда, суть дела не исчерпывается только фонетическим сходством, но об этом чуть позже. На форумах автомобилистов в интернете мне встречалось слово *поджарый*, которое я не сразу сопоставил с мо-

делью Pajero Mitsubishi. Более пристальный поиск показал, что Пежо на форумах автомобилистов иногда называют *пыжиком*, а Ауди – *авдюхой* и – уж, кажется, совсем неуважительно – *авоськой*.

Обилие примеров показывает, что это уже не случайная игра, а нормальный рабочий механизм, характерный для русского языка, точнее, для его жаргонов. Более того, он демонстрирует две очень ярких черты русского языка, и хотя бы поэтому не стоит относиться к этим словам с пренебрежением (“фу, какие нелепые словечки!”).

Во-первых, это прекрасное подтверждение творческого характера русского языка в целом, а не только отдельных его представителей – писателей, журналистов и деятелей интернета. Эта “креативность”, по существу, встроена в русскую грамматику, то есть доступна всем. Как говорится, пользуйся – не хочу. Справедливости ради скажем, что некоторые пуристы этим никогда не пользуются.

Во-вторых, из всего сказанного видно, что опасность гибели русского языка от потока заимствований сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении заимствований, а в их скорейшем освоении. Если посмотреть на последние примеры, можно сказать даже об особом “одомашнивании” отдельных приглянувшихся иностранных слов.

Впрочем, не надо думать, что такой способ образования новых слов появился совсем недавно и что он использует-

ся только при заимствовании. Так, например, москвичи уже давно “одомашнивают” и “одушевляют” бездушные названия маршрутов общественного транспорта: отсюда знаменитая *Аннушка* – трамвай маршрута “А” – и менее известная *букашка* – название троллейбуса “Б”.

Разговор по понятиям

Впоследнее время почти любая беседа о русском языке сводится к разговору о его порче. Спор об этом ведется, как правило, скорее на эмоциональном уровне, но все же существуют несколько постоянных аргументов. И в качестве одного из главных приводится появление в языке большого числа “бандитских” слов. Для солидности даже говорят о “криминализации” языка. Борцы за чистоту речи требуют чистки лексикона, запрета жаргонов, в первую очередь, конечно, бандитского, и прочих карательных мер. Очевидно, что с самим фактом частого употребления в речи таких новых (и старых, но в новых значениях) слов, как *беспредел*, *отморозок*, *наезд*, *крыша*, *стрелка*, *кинуть* и т. д., не поспоришь. Но вот говорить о порче языка, мне кажется, не стоит. Впрочем, без анекдотов тут не разобраться.

Удивительно (или, напротив, неудивительно), но язык новых русских сразу привлек к себе внимание общества, что выразилось в большом количестве анекдотов о нем. Причем многие анекдоты имитировали тексты из грамматик и учебников, так сказать, новорусского языка. Вот несколько анекдотов просто для примера⁸.

⁸ Я не большой любитель травить анекдоты, но, пожалуй, пару раз еще вернусь к этому жанру, такова уж наша культурная традиция.

Анекдот 1.

Бригадир учит новичков: “Распальцовка бывает вертикальная, горизонтальная, фронтальная и чисто беспорядочная...”

Анекдот 2.

Параграф из нового учебника русского языка.

Для образования существительного от глагола с ударными окончаниями *-ать*, *-ить*, *-ять* и *-еть* необходимо к глаголу в прошедшем времени единственного числа добавить окончание *-ово*: *вязать* – *вязалово*, *кидать* – *кидалово*, *бубнить* – *бубнилово*, *ходить* – *ходилово*, *гулять* – *гулялово*, *стрелять* – *стрелялово*, *сидеть* – *сиделово*, *смотреть* – *смотрелово*.

Исключение.

Следует запомнить глагол, от которого существительное образуется чисто в виде исключения: *гнать* – *гониво*.

Анекдот 3.

Правило из учебника по новому русскому языку для пятого класса: “Слово *чисто* является вводным и выделяется запятыми в тех случаях, когда его можно заменить на словосочетание *в натуре*”.

Не знаю, насколько это смешно, но, с лингвистической точки зрения, довольно наблюдательно. Правда, это можно

было бы отнести к жанру “записок натуралиста”, все-таки культурные люди так не говорят. Да нет, если подумать, то иногда и говорят.

Есть две вещи, о которых важно сказать. Первая и, на мой взгляд, очевидная: язык нужен нам, чтобы говорить об окружающей нас действительности. Конечно, и о вечном тоже, и еще стихи сочинять, и копить информацию, но все-таки... Прежде всего мы хотим говорить о том, что происходит с нами здесь и сейчас. И когда окружающая действительность (это самое “здесь и сейчас”) резко меняется, нам порой не хватает слов для разговора о ней. Хорош тот язык, которому удастся быстро компенсировать этот недостаток. Русско-му языку разными способами, но все же удалось. Было бы лицемерием говорить о том, что бандитский период нашей жизни – 90-е годы, которым посвящены известные романы и киносаги, – не существовал. Некоторые считают, что он до сих пор не закончился, но, по крайней мере, самые яркие внешние приметы: типажи, распальцовка, красные пиджаки и подобное – ушли в прошлое. А вот слова остались. Почему? И это второе, о чем стоит сказать.

Попытаемся посмотреть на эти слова без предвзятости. Они чрезвычайно любопытны и интересны с точки зрения лингвиста. Среди них почти нет заимствований. В голову сразу приходят, пожалуй, только *киллер* и *рэкет* вместе с *рэкетиром*. И это несмотря на то, что “новый русский” бандитский мир, очевидным образом формировался под влиянием

американской гангстерской мифологии⁹. Уже давно отнесенные к классике фильма “Крестный отец” или “Однажды в Америке” стали образцами, без которых не возникли бы русские “Бригада” или “Бумер”. Среди этой лексики довольно мало слов, пришедших из классической блатной фени (таких, например, как *лох* или *кинуть*). Надо, впрочем, честно признать, что происхождение многих слов достоверно проследить не удастся, хотя почти каждому из них сопутствует своя лингвистическая легенда.

В целом это достаточно новый и живой, то есть обновляющийся, употребительный и довольно при-влекательный, жаргон. Новые значения появляются, в частности, благодаря ярким метафорам: например, та же *крыша*. Для *крыши* главной оказывается идея защиты, обычная крыша защищает дом, а “крыша современная” защищает бизнесмена и его дело. Не менее интересно выражение *фильтруй базар*, где столкнулись, казалось бы, несовместимые старый и современный языковые пласты: *базарить* и *фильтровать*. Новые же слова возникают благодаря мощному и продуктивному словообразованию. Ведь в самих моделях, по которым образованы слова *беспредел*, *отморозок* (здесь задействована

⁹ Кстати, выражение *новый русский*, во многом определившее эту эпоху, было введено в газете “Коммерсантъ” в 1992 году. Легенда приписывает его изобретение основателю газеты В. Е. Яковлеву. Но независимо от того, верна ли легенда, можно предположить, что автор или авторы этого выражения были знакомы с книгой американского журналиста Хедрика Смита и, возможно, вдохновлены ею. Книга эта (*Hedrick Smith, The New Russians*) появилась в 1990 году.

еще и метафора – переход от замороженного состояния к от-мороженному, то есть ничем не скованному), *наезд* и *распальцовка*, нет ничего дурного. Кстати, слово *наезд* существовало и в древнерусском языке, а сама приставочная модель, с помощью которой возникает новое слово, прекрасно сохранилась в слове *набег*. Конечно, не древнерусское слово сохранилось, пройдя через века, а просто язык по существующей модели создал это слово заново примерно с тем же смыслом, но применительно к новой действительности. Если раньше *наезд* осуществлялся на конях, то теперь, по-видимому, на *меринах*. Кстати, жаргонное название Мерседеса появилось, как я уже сказал раньше, прежде всего из-за звукового сходства, но не только. Это вдобавок еще и метафора, которая подчеркивает связь автомобиля и лошади, их общую “транспортную” функцию.

Пожалуй, самое интересное состоит в том, что многие из “бандитских” слов оказались востребованы языком и после того, как сама бандитская действительность если не исчезла, то хотя бы затушевалась, стала менее заметной. И часто именно это вменяется языку в вину. Вначале он с помощью этих слов описывал бандитскую действительность, а сейчас что?

Употребление этих слов отчасти можно списать на моду, причем на моду не слишком приятную. Многие люди (небандиты) научились разговаривать так, как бы шутя и иронизируя, а отучиться никак не могут, тем более что бандитский

жаргон успешно мутировал, смешавшись с “новым русским” чиновников и бизнесменов, в котором фигурируют такие слова и выражения, как *коммерсы*, *откаты* и *пилить бюджет*. Вообще, три существительных в новых “взяточно-коррупционных” значениях — *занос*, *откат* и *распил* — стали своеобразными символами нашей эпохи. В общем, жаргон соответствует социальному прогрессу — от периода начального накопления капитала к периоду государственного капитализма и государственной коррупции. В этом случае как нельзя лучше подходит совет *фильтровать базар*, но только вряд ли к нему прислушаются.

Самой же любопытной оказалась судьба нескольких слов, которые из разряда бандитских перешли в общеупотребительные.

Я еще помню те времена, когда мои весьма культурные знакомые, морщась, спрашивали: “Отморозок, а что это такое? Фу, как грубо!” А сейчас милейшая интеллигентная дама, ни секунды не задумавшись, реагирует на какую-то мою безобидную фразу: “Ну, это уже наезд! Как ты смеешь!” Эти слова, поначалу воспринимаемые как нечто чуждое литературному языку (этакие кадры из бодрого боевика), расширили свое значение и стали привычны в речи образованных людей.

Часто они заполняют определенную лакуну в литературном языке, то есть выражают важную идею, для которой не было отдельного слова. Такими словами оказались, напри-

мер, *достать* и *наезд*. Они стали очень популярны и постоянно встречаются в устном общении, хотя бы потому, что точнее одним словом не скажешь. Кроме всего прочего, в них есть экспрессия и особая эмоциональная сила, характерная для многих жаргонизмов. Особенно же меня впечатлил “карьерный взлет” еще одного подобного слова: в заявлении МИДа встретилось выражение *акт террористического беспредела*. Поразительно, как легко слово *беспредел* преодолело лагерные границы (ведь изначально это слово описывало особую ситуацию в лагере, когда нарушаются неписанные лагерные правила) и вошло в официальный язык.

Бороться с подобным “обогащением” русского языка абсолютно бессмысленно, тем более что оно представлено единичными явлениями. Оно скорее даже полезно. Большинство же “бандитских” слов уйдут, как только исчезнет потребность в них и схлынет мода. Остается дожидаться...

Сделайте мне элитно!

Я хочу жить в элитной квартире со стильной мебелью, носить эксклюзивные часы и актуальную прическу, читать реальную рекламу и смотреть исключительно культовые фильмы. Вот тогда я буду правильным пацаном, тьфу на вас... продвинутым менеджером. Этим длинным высказыванием я пытаюсь перейти к гламурной волне. Гламурные слова, конечно, не такая компактная область, как слова бандитские. Трудно провести четкую границу между, скажем, гламурным и молодежным жаргонами. Они постоянно перетекают друг в друга. Слово *тусовка* изначально появилось в молодежном жаргоне, потом стало гламурным и, по существу, общеупотребительным. А слово *зажигать* в значении “развлекаться”, кажется, сначала появилось в глянцевых и прочих журналах и только потом вошло в молодежный обиход. Впрочем, за последнее не ручаюсь. Да и приход гламурных слов растянулся надолго и на самом деле до сих пор продолжается.

Само слово *гламур* пришло к нам из английского языка – *glamour* – и успешно конкурирует со словом *глянец*, потихоньку вытесняя его в этом значении из языка. *Глянecь* было заимствовано раньше из немецкого языка, в котором соответствующее слово *Glanz* значило просто “блеск”. Глянцевыми стали называть журналы с блестящей обложкой, а

уж затем значение расширилось, и речь пошла о принадлежности к определенной массовой культуре, пропагандируемой “глянцевыми журналами”, то есть журналами с той самой блестящей обложкой, но главное – журналами совершенно определенного содержания: о моде, о новом стиле жизни. Слово *гламурный* описывает вроде бы ту же самую журнальную культуру, но в большей степени раскрывает ее суть, ведь в английском оно изначально связано с чарами и волшебством (таково его первое и исходное значение). Возможно, поэтому оно сочетается с несколько большим кругом слов. Скажем, журналы можно называть и глянцевыми, и гламурными, а вот *глянцевые женщины* мне что-то не попадались. *Гламурные* же иногда встречаются, причем не только на страницах журналов, но и в жизни.

В гламурных текстах совершенно особую роль играют оценочные слова, прежде всего прилагательные и наречия. Причем если в речи в целом, и этот факт лингвисты заметили уже давным-давно, гораздо больше слов с отрицательным значением вообще и с отрицательной оценкой в частности, то здесь используется исключительно положительная оценка. Без позитивного настроя, конечно, и в обычной речи не обойдешься, но в рекламно-гламурно-глянцевом языке эти слова просто самые главные. Понятно, что в этом дивном, волшебном мире все не просто хорошо, все очень хорошо, а язык немножко смахивает на крикливого торговца, который все время нахваливает свой товар.

Что же это за язык? Полистайте глянцевоы журналы, послушайте болтовню светской тусовки или щебет милейших корпоративных девушек в кафе, взгляните на рекламные тексты или просто на вывески, от которых лингвисту так трудно оторваться, – и вы поймете, о чем я. Кого-то этот язык раздражает, кого-то смешит, а кто-то без него уже не может, ну просто не умеет иначе.

И тут я вернусь к одному из случаев, рассказанных в начале книги. Пожалуй, одним их самых ярких примеров модной оценки стали слова *элитный* и *экссклюзивный*. Еще лет пятнадцать назад слово *элитный* сочеталось с сортами пшеницы или щенками, ну, на худой конец, с войсками и подразумевало отбор, селекцию лучших образцов. Затем оно стало понемногу вытеснять из языка слово *элитарный* (“предназначенный для элиты”), и возникли *элитное жилье* и *элитные клубы*. А затем началось форменное безобразие. Появились даже *элитное белье* и *элитные кресла*! Ну не бывает особого белья и особых кресел для какой бы то ни было элиты, политической ли, интеллектуальной ли! Есть просто очень дорогое белье, ну и ладно, соглашусь, качественное. Этот смысловой переход, впрочем, очень понятен и легко объясним. Элита у нас все больше понимается в экономическом значении, исходя из принципа “Если ты такой умный, что же ты такой бедный?”. Иначе говоря, *элита* все чаще означает просто “богатые люди”. Тем самым элитные вещи – это вещи, предназначенные для богатых, а значит, дорогие. И все-

таки разница между старым нормативным значением (“полученный в результате селекции”) и новым употреблением настолько велика, что порой вызывает улыбку.

На Садовом кольце я обратил внимание на вывеску – “Элитные американские холодильники”. Если вы улыбнулись, значит, не все еще потеряно. Если нет, просто отложите книгу в сторону, мы вряд ли поймем друг друга. Кстати, рядом, на другой стороне Кольца, находятся менее смешные, но все-таки неуклюжие “Элитные вина”, а стоит свернуть в переулки, и вы неизбежно наткнетесь на “Элитные двери” или “Элитные окна”.

Таким образом, сейчас происходит – и на самом деле уже произошла – девальвация смысла этого слова, осталась только положительная оценка: дорогой и, следовательно, качественный. Впрочем, язык не стоит на месте. Недавно я получил в электронной рассылке среди прочего спама упомянутое выше предложение: “Элитные семинары по умеренным ценам”. Вот и дороговизна улетучилась. Спрашивается, что же осталось в значении этого слова?

У слова *элитный* есть брат-близнец – прилагательное *эксклюзивный*. То есть вначале они довольно сильно различались. *Эксклюзивный* подразумевало предназначенность для одного-единственного субъекта, например, эксклюзивным можно назвать интервью, данное лишь одной газете, а эксклюзивные права предоставляются лишь одной компании.

Но вот все чаще в текстах попадаются странные соче-

тания: *экссклюзивные* видеокассеты, выпущенные огромным тиражом (зато с очень редкими кадрами) или, например, *экссклюзивные* часы, изготовленные в количестве 11 111 штук с автографом самого Михаэля Шумахера. Короче говоря, *экссклюзивный*, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный. Но вот и редкость исчезает, когда я читаю объявление над рыночным прилавком: “Эксклюзивная баранина”. Казалось, что после эксклюзивной баранины это слово уже ничем не сможет меня удивить. Но нет! Как-то я включаю телевизор и наблюдаю двух милых дам (ведущую передачи и ее гостью – певицу¹⁰), которые разговаривают примерно так (точно записать не успел). Ведущая: “Ну, вы ведь эксклюзивная женщина!” Певица нервно хихикает. Ведущая: “Нет, нет, я в хорошем смысле”. Мой – по-видимому, извращенный и, очевидно, мужской – ум еще готов понять, что такое эксклюзивная женщина в слегка неприличном смысле, но что такое “эксклюзивная женщина в хорошем смысле”, он понимать отказывается. Найдется ли кто-нибудь, кто сумеет это объяснить?

Эксклюзивный и *элитный* фактически становятся синонимами и могут просто усиливать друг друга, как, например, в рекламе “Кожаных изделий эксклюзивных и элитных производителей”. Еще пятнадцать лет назад *элитным* произво-

¹⁰ Для любопытных могу сообщить, что речь идет о приятных во всех отношениях Тине Канделаки и Ирине Богушевской.

дителем мог бы называться только какой-нибудь бычок или жеребец, а вот поди ж ты, как движется прогресс, и сейчас речь идет об изготовителях дорогих изделий.

У оценочного слова в рекламном языке недолгая жизнь. Вначале его отыскивают либо в родном русском языке, либо в чужом, то есть заимствуют, причем положительной оценке в его значении, как правило, сопутствует еще какой-то интересный и нетривиальный смысл. Потом слово вбрасывают в тексты, и, если повезет, оно сразу становится модным, начинает использоваться в невообразимых контекстах, а смысл его потихоньку стирается, и остается только восторженная оценка. Наконец, оно всем надоедает, его перестают воспринимать всерьез и выбрасывают, как старую тряпку, чтобы восхищаться каким-нибудь новым словечком. Увы, *sic transit gloria mundi*, и слов это тоже касается.

В начале перестройки необычайную силу приобрели прилагательные *культовый* и *знаковый*. Все реже используется похожая по смыслу на *элитный* иностранная аббревиатура *VIP* (Very Important Person): *VIP-услуги* и прочее. А ведь и с ней доходило до комического: нет-нет да и встречались *VIP-персоны*, то есть, если перевести английскую часть, “очень важные персоны”-персоны.

Надо сказать, что и *элитный*, и *эксклюзивный* тоже миновали пик моды, и, хотя встречаются еще повсеместно, судьба их незавидна. В самом начале они как бы тянули потенциального покупателя за собой. За ними обоими стояла идео-

логия избранности. *Элитный* говорил: “Купишь вещь – войдешь в элиту!”, а *экслюзивный*: “Купишь вещь – будешь ее единственным обладателем, ни у кого такой нет!” Потом – идеология богатства, и они уже на один голос кричали: “Купи дорогую вещь! Дорогая значит хорошая!”

А теперь все чаще они используются в рекламе не очень дорогих и не очень качественных товаров и все слабее воздействуют на потенциальных покупателей. Это похоже на то, как если бы в рекламе все время вставляли словосочетание “очень хороший”. Кто же на это клюнет?

Даже крупные строительные компании отказываются от слов *элитное жилье*, *элитные квартиры* и т. д. На смену им пришло жилье бизнес-класса, *люкс* или *премиум*. Впрочем, на улицах Москвы уже появилась реклама *чикен премиум*, то есть, говоря другими словами, “элитно-экслюзивных цыплят”. А это означает очередное снижение оценки, так что, боюсь, и *премиум* долго не продержится.

В моду входят другие слова, например, *нафосный* или даже *готичный*. Среди оценочных прилагательных есть и более хитрые, и более непотопляемые, которые непосредственно связаны с идеологией потребления. И о них тоже стоит поговорить.

Самое правильное слово

Этого слова следует бояться. В нем слишком много идеологии, и оно не оставляет выбора. В конце концов от чего-то элитного или эксклюзивного можно отказаться, а от этого – нет.

В интервью известного теле- и просто журналиста Леонида Парфенова, которое он дал журналу “Афиша”, сказано следующее:

- Где вам в Москве весело?
- Для меня главное из развлечений – правильная жратва в правильном месте. Сейчас время ланча, тепло. Я бы на какой-нибудь террасе посидел. Съел бы салат “Рома”, в смысле с зелеными листьями, и заказал Pinot Grigio под рыбку. Только вот не знаю, где сейчас можно найти террасу, наверное, в “Боско”.

Кстати, а вы сами носите правильную одежду? Смотрите правильные фильмы? Слушаете правильную музыку? Ходите в правильные места? Или как? Ах, вы не знаете, что следует считать правильным? Читайте глянцевые журналы – вас научат.

Раньше я вздрагивал от этих непривычных словосочетаний, а потом привык и уже с удовлетворением обнаружил в

статье под названием “SUPERБУЗЫ. 10 правильных заведений” упоминание родного университета. Жаль, конечно, что я не могу последовать рекламе: “Купи правильный дом. Новорижское шоссе”, но уж в магазин “Правильная обувь” я заходящую регулярно. В общем, все хорошо, жизнь удалась.

Кстати, объяснение словосочетаний *правильная жратва* и *правильное место* в интервью с Л. Парфеновым очень характерно: салат “Рома”, в смысле с зелеными листьями; *Pinot Grigio* под рыбку; *терраса* в “Боско”. Все это весьма изысканно и едва ли известно непосвященному читателю. Зато читатель “Афиши” может попытаться стать посвященным. Такое употребление слова *правильный* близко по значению французскому выражению *comme il faut*, заимствованному в русский язык как *комильфо*. С помощью слова *правильный* гляцевые журналы формируют новый стиль поведения, следовать которому должен любой *продвинутый* (еще одно модное слово) человек. Если использовать европейские аналогии, можно сказать, что речь идет о создании нового русского дендизма, особого свода правил “как себя вести”, “какую одежду носить”, “что есть”, “что читать”, “куда ходить” и т. п. И вся эта сложная система скрывается за новым употреблением слова *правильный*, что и объясняет его взлет.

Это прилагательное прежде всего активно сочетается с названиями продукта в самом широком смысле этого слова: от одежды, обоев, еды – до пищи духовной: романов, фильмов, спектаклей и т. п. Также правильными могут считать-

ся и производители или создатели соответствующей продукции. Если раньше, выделяя, мы бы назвали режиссера модным, популярным, народным, ну в лучшем случае культовым, то сейчас нет ничего выше звания “правильный режиссер”. Иди и смотри.

И наконец, тот, кто следует всем этим гламурным указаниям, может сам считаться *правильным* (или, как говорили когда-то, *комильфо*), то есть по сути – правильным потребителем. Меня навсегда поразила фраза из той же “Афиши”:

Последние лет пять правильную московскую девушку можно было отличать по колготкам. Колготки должны были быть только телесного цвета, только прозрачные и только оттенка загара.

Я еще не вполне осознал, кто они – эти загадочные правильные девушки, но уже получил инструкцию, как узнавать их в толпе. Конечно же, по колготкам телесного цвета.

Совершенно очевидно, что большинство подобных сочетаний человеку семидесятых показались бы дикими, однако не все так просто. В советских текстах все-таки встречаются похожие примеры, хотя не так часто и в довольно специфических “идейных” контекстах. Вполне допустимо, например, было словосочетание *правильный фильм*, но, естественно, оно использовалось по отношению к фильмам совершенно другого рода, активно одобряемым советской властью, –

то есть с правильной идеологией. Таким образом, неизменная часть значения у данного слова на самом деле сохраняется, просто на смену одной идеологии, политической, приходит другая – идеология потребления, что и определяет его сочетаемость.

По существу, за этим словом всегда стоит некая “идейность”, но отнюдь не в том единственном политическом смысле, к которому так привыкли советские люди. Подобное употребление прилагательного вообще характерно для жаргонов, связанных с жесткими поведенческими нормами. Здесь можно вспомнить и блатной мир, только вместо *правильных девушек* его населяют *правильные пацаны*.

Что же касается идеологии потребления, то она, не будучи политической и тоталитарной, не становится от этого менее жесткой и агрессивной. Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жесткие правила выбора. Следует ходить в *правильные* места, есть в них *правильную* еду, наконец, знакомиться и общаться с *правильными* девушками (тем самым последние выступают тут и как субъект, и как объект потребления). Читать нужно исключительно *правильные* романы, слушать *правильную* музыку, смотреть *правильные* фильмы...

Переключка между нынешним временем и советской эпохой характерна и для некоторых других модных прилагательных: *позитивный*, *актуальный*, *реальный* и т. д. Например, *позитивный* сочетается сейчас с такими словами, как *фильм*,

спектакль, сценарий или шоу:

Мало сыщется фильмов, вызывающих такие же умиление с просветлением. Если “Блондинка в законе” – самый позитивный фильм сезона, то этот – самый адекватный... (“Известия”).

Такие употребления не описываются существующими словарями (речь идет о совсем недавней кальке с английского), однако фактически выражают идеологию социалистического реализма. Позитивные фильмы и спектакли показывают жизнь такой, какой она должна быть, а не какая она есть на самом деле. Все чаще в текстах мелькают двоюродные братья *актуальный* с *реальным*. По телевизору показывают *Реальную политику*¹¹, а на улицах города мы видим *реальную рекламу*. Актуальным сегодня тоже может быть все: от искусства до автомобиля или прически. Иногда концентрация всех этих слов в тексте зашкаливает, и хорошо, если автору все же свойственна хотя бы легкая ирония:

Музей современного искусства, открывая ретроспективой Айдан Салаховой новую программу “Москва актуальная”, сделал выбор безукоризненный. Само понятие “ак-

¹¹ Название телепередачи, которую вел Глеб Павловский. На смену ей пришла *Нереальная политика* с ведущими Андреем Колесниковым и Тиной Канделаки. Кто-то, возможно, увидит здесь отсылку к реальной политике, проводимой Отто фон Бисмарком.

туальное”, ввиду длительного и широкого употребления, подрастеряло, как кажется, былую актуальность, вытерлось немножечко до состояния “элитного” и “эсклюзивного” – но если слово “актуальное” значит сегодня что-то еще, то именно это: пример остальным, образец для подражания, что же она еще, как не пример или образец? Умница и отличница, красавица и так далее; иногда они возвращаются, времена правильных героев (К. Агунович, “Афиша”¹²

¹² Здесь, наверное, самое время извиниться за постоянное цитирование журнала “Афиша”, но по количеству словесных новинок он, на мой взгляд, в наше смутное время превзошел все прочие. Точнее говоря, во многом являлся творцом и законодателем словесной моды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.